

*Секреты
женского счастья*

П Р О З А

Веры Колочковой

В Е Р А
Калачкава

Шах королевы

Р О М А Н

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Оформление серии *С. Власова*

Колочкова, Вера.

К61 Шах королевы : роман / Вера Колочкова. —
Москва : Эксмо, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-04-099840-1

Молодой писательнице Наташе Петровой скучно жить в повседневной рутине. Настоящая жизнь там, в романах, а то, что происходит здесь, — лишь материал для творчества. Как приятно описывать знакомых, управляя их судьбами по своей прихоти! А еще можно самой создавать колоритных персонажей. Но однажды придуманная Наташей красотка-разлучница чудесным образом сходит со страниц романа и начинает рушить весь устоявшийся мир автора.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колочкова В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-099840-1

На утреннюю пешую прогулку времени не оставалось. А жаль. Значит, и весь рабочий день пройдет, как поездка в общественном транспорте — в мелких, но сильно раздражающих неудобствах. Примета верная и временем проверенная. Стоит ей не пешком пройти до работы, а проехаться в этом клочкотании человеческих эмоций, то есть в утреннем автобусе, так день идет насмарку. Чужие эмоции, они же цепкие, как репей, и никакого иммунитета от них нет. У других есть, а у нее — нет. Но ведь не объяснишь причину опоздания отсутствием иммунитета! Не поймут. Засмеют. Хотя если набраться смелости, то можно презреть все объяснения как таковые и общественный транспорт заодно. Подумаешь, на работу опоздала!

Наташа грациозно поднесла к глазам крохотный циферблат золотых часиков, еще раз чертыхнулась про себя, помянув крепким словом треклятую дисциплину труда. Хотя и не любила

ВЕРА КОЛОЧКОВА

она эти противные слова. Но ничего, мысленно произнести их иногда можно. Перчинка здорового драйва любому человеку не помешает. Тем более если этот человек не глуп и к собственной жизни относится как к творческому процессу, а не шагает под барабанную дробь инструкций и правил. И в самом деле, если подумать хорошо и призвать на помощь элементарную логику: какая в ней заложена объективная необходимость, в этой дурацкой дисциплине труда? Когда ее вообще выдумали?! В трудные для страны времена? Ну, правильно, тогда это имело какой-то смысл, а теперь? Что изменится от того, что она придет на работу не в девять часов, а, положим, в десять? Или в половине одиннадцатого? Заводы и фабрики остановятся, реки вспять потекут, показатели валового внутреннего продукта в одночасье изменятся? Нет, ничего такого не произойдет. А она должна по милости этого атавизма утренней прогулкой жертвовать. Несправедливо, однако. Может, и впрямь ну ее к лешему, эту дисциплину труда, и да здравствует разумный эгоизм? И постучим каблучками, да по бульварчику, получив личное законное удовольствие!

Унылая физиономия тринадцатого автобуса уже показалась из-за поворота, и Наташа, вздохнув, решила все-таки ехать. По крайней мере,

Шах королевы

тринадцатый ее практически до рабочего крылечка довезет. Вот если бы двадцать пятый подошел, то она бы точно в него не села, потому что тогда надо было бы идти через длинный-предлинный подземный переход, через пыльные пронизывающие сквозняки, сквозь взгляды наяривающих на скрипках и гитарах музыкальных умельцев. Взгляды, с жадной надеждой устремленные на прохожих... Наташа всегда испытывала большое неудобство, проходя мимо уличных музыкантов, словно была причастна к их жизненным трудностям и неурядицам, но была не в силах им помочь.

Впрочем, о причастности как таковой в данный момент лучше не вспоминать. Потому что тринадцатый автобус уже подрулил к остановке, с лязгом ощерился гармошкой дверей и плеснул наружу ядом скопившегося в салоне молчаливого пассажирского раздражения. Так что «причастности» этой она сейчас нахлебается, получит вполне добротную порцию, еще и с добавкой. Нет, все-таки прав Саша, сто раз прав относительно второй машины в домашнем хозяйстве. И относительно водительских курсов — тоже прав. Не далее как вчера он снова затеял разговор на эту тему.

Оно и понятно, отчего он его затеял. Неловко ему, конечно, что сам на работу с комфортом

ВЕРА КОЛОЧКОВА

едет, а она вынуждена общественным транспортом добираться. Но эту неловкость он сам себе и создал, между прочим. С тех пор как получил должность начальника отдела в своем банке, решил отчего-то, что ему непременно надо на час раньше положенного времени приезжать на работу. Боже ты мой — зачем?! Чтобы встречать с утра подчиненных с деловым лицом и упреком в начальственном взоре? Вроде как я тут уже успел уработаться, пока вы утренние кофеи распиваете... И к ней с ножом к горлу пристал, чтобы она срочно записалась в автошколу. Даже слышать не захотел, что ей эти автомобильные права вообще без надобности. Еще и кокеткой обозвал, когда она попыталась напомнить ему про свою природную рассеянность, про склонность к созерцанию, про абсолютный и безоговорочный топографический кретинизм и про творческую составляющую личности. Ну не умеет она концентрировать внимание на всяких знаках, развязках и перестройках в другой ряд, неинтересно ей все это! А он твердит свое, усмехаясь: не кокетничай, и все тут! Нисколько, мол, ты от других не отличаешься. И все твои душевные вихри-полеты в облаках и девичья мечтательность есть не что иное, как бессознательное кокетство: вот она я какая, вся из себя творческая и порывистая, утонченная и непредсказуемая...

Шах королевы

Подхваченная толпой, Наташа моментально влетела в автобус, удачно протиснувшись через бока и животы приготовившихся к выходу на следующей остановке пассажиров. Потом пристроилась в проходе между теткой-тумбой с объемной матерчатой кошелкой и студентом-ботаником благообразного вида. По крайней мере, с его стороны не доносилось ядерных запахов мужской разгульной юности. От него пахло овсяной кашей, крепким кофе и дорогим средством от прыщей. Видно, с материнской заботой ботанику в жизни повезло.

А вот с теткой дело обстояло намного хуже. От нее несло чесноком, да так сильно, что казалось, отголоски съеденного бедолагой с вечера пахучего продукта, успевшего добросовестно перегореть в организме, тут же хищно поглотили Наташин спасительный аромат духов. Моментально напряглась диафрагма, и горло болезненно сжалось в инстинктивном спазме. Нет, только не это! Надо срочно переключать сознание. Благо что она это умеет. Раз — и нет ее! Ушла в иное пространство, дверку за собой захлопнула, и скоро не ждите. И совершенно зря Саша над этой ее способностью посмеивается, иногда очень даже помогает.

Однако ухода не получилось, как она ни старалась. И на кроны деревьев сквозь пыльное авто-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

бусное стекло смотрела, и за облака цеплялась, и пыталась воспроизвести в себе ту самую пронзительную мелодию из французского кинофильма, под которую бедный Бельмондо идет навстречу своему смертному часу, — ничего не получалось. Обстановка была не та. В тесной духоте автобуса ужасно воняло чесноком, хоть умри.

Слегка поерзав на месте, Наташа попыталась развернуться так, чтобы вдохнуть запахи, исходившие от ботаника, но чесночная вонь лишь усилилась от ее нервных телодвижений. Да и тетка в ответ также недовольно дернулась, подтащив к животу свою сумку. Нет, переключиться точно не удастся. Что ж, придется использовать ситуацию самым жестким способом. Для своего тайного, личного, эгоистического...

Она давно уже пришла к выводу, что для пользы своего тайного-личного-эгоистического любая ситуация хороша. И не столько ситуация, сколько выраженная в ней эмоция. Все пойдет в дело. А иногда такие перлы для него, для тайного-личного-эгоистического, можно заполучить, что только диву даешься. Те самые перлы, которые, как ни старайся, ни за что сама не придумашь. А тут ситуация сама назрела, нужен совсем небольшой толчок...

Глубоко вздохнув и решившись, она снова зарзала на месте, на сей раз основательно. И даже

Шах королевы

локтем толкнула чесночную тетку в бок, будто бы случайно. Та глянула на нее сердито, но промолчала. Даже сделала попытку отодвинуться, то есть поелозила по животу своей сумкой и покряхтела слегка. Наташа еще двинула бедром, на этот раз посильнее, переступила с ноги на ногу, чувствуя, как острое шпильки аккуратно попало во что-то мягкое. Скорее всего, в теткины тапочки. Ага, сейчас начнется! Сейчас, сейчас...

— У-а-и-й! — резко всколыхнулась тетка, болезненно скривив лицо и показав бледные десны. — Совсем охренела, что ли? Ты чё тут дергаешь копытами, как телка стельная?

— Простите, какая телка? — холодно поинтересовалась Наташа.

Холод в голосе особенно был хорош для таких ситуаций. Потому как подталкивал вперед другие перлы, которые, скорее всего, в очереди не задержатся. Вот они, родненькие, поехали! Ну, давай, давай, еще чего-нибудь выдай!

— Молчи, корова недоделанная! Стоит тут, фря, задницей вертит! — постепенно входила женщина в раж, багровея лицом и источая прежний истошный чесночный запах.

— Так все-таки я корова или фря? Это, знаете ли, разные области аллегорий. Уточните, пожалуйста, прошу вас.

— Ишь, еще и огрызается! Корова!

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Повернув голову в сторону Наташи, тетка обрушила на нее гневный взгляд, но сомнение таки мелькнуло на миг в ее глазах. Оно и понятно — объект для гнева никак на «корову» не тянул. Наташа была худа, как тростиночка, и стройна, как пугливая горная газель.

— ...Худая! — тут же добавила к своей «корове» тетка, и Наташа чуть не задохнулась от восторга. Вот это перл! Вот это да! Корова худая! А сам диалог чего стоит! «Дергаешь копытами» и «телка стельная» — такое же вовек не придумаешь! Нет, надо все, все запомнить. Дословно. И потом воспроизвести. А ключевыми словами для воспроизведения будут — «корова худая»...

— Сука в ботах! — пробурчала невнятно тетка, видимо решив, что «худой коровы» для Наташи маловато будет.

— Что вы! Я совсем не в ботах! — мило поморгав черными длинными ресницами, доверительно сообщила ей Наташа. — Я в босоножках на высоком каблуке...

— Нет, в ботах! Сука! В ботах! Я сказала — сука, значит, сука! — распаляясь эмоциями, уже билась в истерике женщина. — Иди давай отсюда, раз ездить не умеешь! В такси со своими копытами ездят, поняла?

— Хорошо. Как скажете. Я пойду. Тем более что в этом милом диалоге мы уже две остано-

Шах королевы

ки с вами проехали. Моя следующая. А только я все равно не в ботах, а в босоножках на высоком каблуке... — лучезарно улыбнулась женщине Наташа, чудом увернувшись от рыхлого с ямкой локтя, нацеленного в ее худой бок.

Струя пассажиров вынесла ее из автобуса, и несколько сердобольных взглядов обласкали ее сочувствием — как-никак, а нахамили бедной девушке. Худой коровой обозвали и сукой в ботах. Спасибо, конечно, граждане... Ой, а какая там телка была, уже и не вспомнить! Как же, как же, слово такое... колхозное. Надо сосредоточиться и вспомнить, а то уплывет. Стиляжная, степенная, стильная... Господи, как же... Стельная, вот как! Теперь не забыть бы. Надо срочно на работу бежать! Записывать!

Взмахнув сумочкой, Наташа поспешила к цели, с элегантной легкостью постукивая каблучками-шпильками и бормоча себе под нос: «Телка стельная, корова худая, сука в ботах». И снова: «Телка стельная, корова худая, сука в ботах...»

* * *

А что было делать — пришлось повторять. Иначе вылетит из головы, потом и не воспроизведешь. Плоховато у нее было с запасом подобного рода хамских перлов. Откуда им было взяться? В ее родном доме отродясь мужчины

ВЕРА КОЛОЧКОВА

не водилось, ни хамского, ни интеллигентного. Тишина, чистый воздух, салфетки накрахмаленные. Бабушка маму одна растила, потом они с мамой вдвоем ее, Наташу, растили. Вернее, втроем. Все время она про старую няньку Таю забывает. Может, потому, что Таечка им не родственница? Древняя старушка, прибывшая молодой еще девушкой к дому, беженка с оккупированной территории, ставшая нянькой малолетней тогда еще бабушке, а впоследствии и маме, и ей, болезненной и «несадиковой» Наташе, и в конце концов оставленная после перенесенных двух инсультов в семье «на покое». Слепая, глухая, маленькая — сухонькое полence, а не старушка. Правда, ослепла она совсем недавно. А когда Саша приходил предложение делать, Тая смотрела на него так же настороженно, как и мама с бабушкой. Как перепуганная овца на волка! Все-таки первый мужчина в доме с настоящим предложением руки и сердца.

— Легонький мужичок, уж больно легонький, Наташичка... — вынесла нянька Тая тогда свой приговор, с сомнением покачивая сухой головой с реденькими, прибранными пластмассовой коричневой гребенкой волосами.

— В каком это смысле — легонький? — подняла на нее Наташа насмешливый, но слегка

Шах королевы

недовольный взгляд. По большому счету, Таино мнение интересовало ее меньше всего, но все равно задело.

— Да в таком и есть смысле... Колодезь не выроет, избы не поставит. Видно, что легонький.

— Да зачем, зачем ему самому надо колодезь рыть? И избы ставить тоже ему без надобности! Да и вообще — кто это сейчас колодезь роет и избы ставит? Не те времена, няня Тая!

— Во все времена мужик видными делами ценился, Наташичка. Чтобы все мог сам порешить. И сад посадить, и дом построить.

— Да ну тебя, нянь... Сейчас тот мужик больше ценится, который все это себе купить может. А тяжелый физический труд нынче не в чести. И вообще, еще неизвестно, что легче — самому дом построить или денег на строительство заработать! А Саша — он как раз из тех, кому проще заработать!

— Ну так я и говорю — легонький... — снова вздохнула старуха, поджав губы сухой скорбной подковкой.

Наташа было наострилась еще с нянькой поспорить, но бабушка махнула в ее сторону досадливо — отстань, мол, от старухи. И лицо сделала такое недоуменное, что Наташа и впрямь своей горячности устыдилась. Действительно, нашла на кого сердиться! На Таечку!